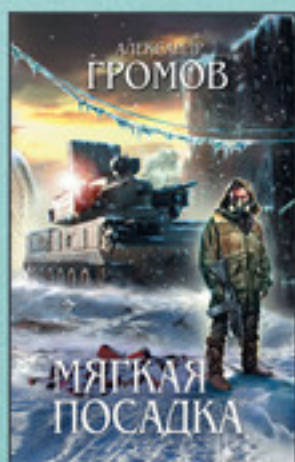

Александр Громов

Уступчивые

*Часть сборника
Мягкая посадка (сборник)*

Александр Громов

Уступчивые

«ЭКСМО»

1999

Громов А. Н.

Уступчивые / А. Н. Громов — «Эксмо», 1999

«Поверхность фронта здесь не менялась очень давно. Не линия никогда не затихавших надолго боев – именно поверхность, незримая, но реальная. Там, где кипели сражения эскадр, она прогибалась в ту или иную сторону, иногда ощутимо и стремительно, чаще медленными судорожными толчками, – но в этом секторе пространства она оставалась незыблемой вот уже несколько столетий. Периферия... Не главные силы и массированные удары соединенных флотов, не циклопические побоища – лишь стычки, стычки и стычки, укусы и отскоки, позиционное противостояние, крохи успехов и такие же крохи ежедневных потерь. Медленно вращающиеся, но очень широкие жернова...»

© Громов А. Н., 1999

© Эксмо, 1999

Александр Громов

Уступчивые

Поверхность фронта здесь не менялась очень давно. Не линия никогда не затихавших надолго боев – именно поверхность, незримая, но реальная. Там, где кипели сражения эскадр, она прогибалась в ту или иную сторону, иногда ощутимо и стремительно, чаще медленными судорожными толчками, – но в этом секторе пространства она оставалась незыблемой вот уже несколько столетий. Периферия... Не главные силы и массированные удары соединенных флотов, не циклопические побоища – лишь стычки, стычки и стычки, укусы и отскоки, позиционное противостояние, крохи успехов и такие же крохи ежедневных потерь. Медленно вращающиеся, но очень широкие жернова.

О ближайшей планете Леман не знал практически ничего, хотя прежде не раз подлетал к ней достаточно близко, чтобы простым глазом разглядеть мутно-голубой диск. На планете никто не жил – кому придет в голову жить на линии фронта? Планета не представляла никакой ценности ни для Великой Лиги, ни для ренегатов. Как и большинство пилотов действующего флота, Леман знал о ней только то, что случайно попало на глаза и застряло в голове, – пустые, никому не нужные обрывки сведений.

Землеподобная. Не сырьевая. Не обладающая ничем, что стоило бы защищать или отовоевывать в случае потери. Девяносто процентов поверхности покрыто океаном. Островов, кажется, нет совсем, материк всего один, расположенный на экваторе, но тем не менее обледенелый и предельно негостеприимный. Атмосфера вроде бы кислородно-аргоновая, плотная, беспокойная и достаточно протяженная. В последнем Леман сейчас убеждался на практике.

Энергоимпульс совершенно не виден в вакууме. Лишь плазменный накопительный кокон, венчающий оружейную башню дестроера, обычно тоже невидимый, за полсекунды до залпа начинает слабо мерцать неприятным фиолетовым светом и быстро гаснет, выплюнув разряд.

По счастью, нигде в Галактике нет столь глубокого вакуума, чтобы выпущенную по тебе серию энергоимпульсов нельзя было обнаружить по мгновенной ионизации межзвездных атомов, а обнаружив, попытаться уклониться. Особенно в этом секторе, где только за последние сто лет не меньше двух тысяч разнотоннажных кораблей обеих воюющих сторон превратились в облака газа, а причудливая поверхность фронта не сдвинулась и на миллипарсек.

Ох, неспроста его прижали к этой планете! Леман прекрасно понимал это, но, вертись не вертись, иного выхода, нежели вход в атмосферу, не просматривалось. Одиночный истребитель с израсходованным боекомплектом – легкая добыча для эскадренного дестроера, и если одному противнику еще можно какое-то время морочить голову резкими маневрами, то встреча сразу с двумя делает это занятие вдвойне бессмысленным. Три, от силы пять минут отчаянного танца под шквалом энергоимпульсов – и конец. Это если обреченным истребителем управляет опытный ас. Иначе – меньше. Леман не был опытным асом.

И тем не менее он финтил. Уклонялся, вертелся волчком, дважды пытался вклиниться между чужими кораблями, надеясь, что они поразят друг друга и прекрасно понимая, насколько зыбка эта надежда. Его отгоняли огневой завесой, как надоедливую муху, и методично, без особой суеты, расстреливали. Дестроеры немного уступали ему в скорости, но уйти он не мог – для этого ему пришлось бы перестать маневрировать, и тогда счет оставшихся секунд жизни сократился бы с десятков – или сотен? – до одной-двух. Он понимал, что скорее всего был бы уже уничтожен, не подвернись эта планета.

Его отжимали к атмосфере. Рывок вверх – и только плазменный шар останется кружить по орбите вокруг безымянного шарика, но быстро погаснет. Второй вариант – идти на посадку

– по всей вероятности, был ничуть не лучше, но сулил небольшую отсрочку. И Леман выбрал именно его.

Локатор давал изображение поверхности. Весь материк был одним огромным плато, круто поднявшимся из океана на высоту в пять-семь тысяч метров, считая и километровый слой льда. Когда-то давно тектонические силы начали было ломать плато на части, но не справились и отступили, оставив сетку глубочайших узких каньонов. Они-то и давали некоторую надежду на спасение.

Он пробьет атмосферу, нырнет в каньон и уйдет с экранов. Затем найдет подходящую площадку и отсидится. Дестроеры не сунутся в атмосферу, но могут караулить его на орбите и неделю, и две. Особенно сейчас, когда впервые за два года непрерывных сражений и стычек в боевых действиях наметилось некоторое затишье.

Что ж, придется поскучать.

И поголодать. А воды здесь в избытке – вон сколько льда...

Все эти мысли пронеслись в голове Лемана в один миг, а следующее мгновение ушло на то, чтобы осознать: он неисправимый оптимист. Серьезные маневры уклонения от огня на посадочной траектории невозможны, иначе либо сгоришь, либо рикошетом отскочишь в космос, как раз под удобный прицел. Три-четыре минуты торможения в атмосфере – более чем достаточный срок для поражения маломаневренной цели.

И все-таки он надеялся...

Два энергоимпульса, видимо, без точного прицела, слепящими молниями пробуравили атмосферу в стороне от него. Третьего Леман не увидел.

Вряд ли его обморок продолжался более нескольких секунд. Первым чувством было удивление: обзорный экран исчез. Вместо него имелся крошечный иллюминатор, а в нем – огненная буря. Спасательная капсула тормозилась об атмосферу. Значит, истребитель потерял... Леман потянулся к иллюминатору, надеясь сквозь плазменный кокон разглядеть сгорающие метеорами обломки своего корабля, но, конечно, ничего не разглядел. Ну ладно... Хорошо уже то, что остался жив, по счастью, автоматика отстрела капсулы сработала штатно...

Значит, есть шанс.

Если только комендоры дестроеров не соблазнятся уничтожить еще и капсулу. Хотя зачем?

Радиомаячок капсулы работает долго, но воздуха хватит часов на двенадцать. Это в открытом пространстве. Именно столько времени враг будет находиться неподалеку, чтобы атаковать спасательное судно, используя капсулу вроде наживки. Знакомая тактика ренегатов, а впрочем, если честно, в равной степени флота Великой Лиги. Именно поэтому командование не позволяет себе увлекаться спасательными операциями.

Допустим, местным воздухом можно дышать и предельное время ожидания не определено. Спасут ли?

Вопрос...

Ясно одно: надо продержаться максимум времени.

Парашют раскрылся неожиданно, заставив Лемана клацнуть зубами. Капсулу немного помотало в воздушных ямах, затем она вошла в слой спокойного воздуха, плавно устремилась вниз и, несмотря на тормозные пиропатроны, так основательно приложилась о плато, что потемнело в глазах. Все-таки атмосфера на этой высоте была изрядно разрежена.

Некоторое время Леман смотрел, как отстреленный сразу после посадки парашют, гонимый слабым ветерком, то лениво и важно надуваясь, то робко опадая, ползет по едва прикрытому снежной крупой ледяному полю. Затем он исчез из виду, наверное, уполз в незаметную трещину, и Леман перестал им интересоваться.

Хорошо еще, что капсула опустилась на плато, а не в каньон, – вот это уже было бы крайнее невезение, ибо капсула не истребитель и умеет летать только сверху вниз. Ближайший

каньон глубокой резаной раной рассекал плато не более чем в тысяче шагов от места посадки. С высоты Леман оценил его ширину километра в полтора-два, а глубину оценить не сумел, ибо дна не увидел. Что там внизу – река? Очень может быть. Весьма вероятно, что ледник по краям подтаивает, вот и вода. А может, разлом столь глубок, что внизу плещут волны океана?

Вообще-то не исключено, но кому охота туда сунуться?

Он проверил маячок – тот работал как надо, наполняя эфир сигналами бедствия. Станут ли спасать – вопрос второй. Валентина вот не стали... хотя что об этом можно знать наверняка? Только то, что три года назад Валентин пропал без вести где-то в этой части сектора, может быть, как раз на этой самой планете. Стало быть, наверняка погиб. И не он один. Конопатый Хенрик тоже загнулся где-то поблизости. Пытались ли их спасти? Неизвестно...

В любом случае оставалось только ждать и не поддаваться панике. Леман умудрился даже вздремнуть, рассудив, что во сне потребит меньше кислорода, и действительно сумел растянуть запас воздуха на четырнадцать часов вместо двенадцати. Больше не смог. Когда перед глазами замаячили багровые круги и страх потерять сознание стал навязчивым, он прошептал короткую молитву и дрожащими пальцами отвернул воздушный клапан, постепенно сбрасывая избыток давления. Это едва не убило его – что может быть глупее, чем погибнуть от удушья во время декомпрессии? – но вот наружный, он же единственный, люк капсулы сдвинулся, и струйка, а затем и целая лавина свежего воздуха плеснула в... в...

Она была холодна, как айсберг!

Обожгло легкие. Удар холодом! Нокдаун!

Словно прыжок с обрыва в ледяную воду. Хуже – в жидкий метан. Никто не ждал, что над ледяным полем будут субтропики, но все же...

От неожиданности Леман не сразу понял главное: этим воздухом можно дышать! А когда понял, разозлился. Что толку в дыхании, если предстоит замерзнуть? Разница, пожалуй, лишь в том, что замерзание, как утверждают, более легкая смерть. Солдату – наплевать. Гораздо существенней, что она же и более медленная.

Как можно плотнее застегнув комбинезон, стараясь вдыхать помалу и только носом, он ступил на плотный фирн ледяного поля. Солнце светило ярко и, пожалуй, грело почти как на горном курорте, зато воздуху было далеко до курортных кондиций. Не температура жидкого метана, конечно, но минус пятьдесят – наверняка.

Раньше всего замерзли руки, затем лицо и шея, да и по спине побежал неприятнейший озноб. Ладно... Десять минут снаружи – потом час тепла в капсуле, ее объема на час дыхания хватит. Ничего, подумал Леман, стуча зубами. Жить можно. Могло быть хуже. Скажем прямо, вынужденная посадка на планету с атмосферой, пригодной для дыхания, сама по себе из ряда маловероятных чудес. Хорошо, что из правил бывают исключения...

Самое главное, можно дышать. Интересно, откуда берется кислород? Фотосинтезирующие водоросли в океане?

Наверняка. Хотя, по правде сказать, для дышащего это совершенно не важно.

Остаток дня Леман провел то отогреваясь в капсуле, то выходя наружу подышать и размять ноги. Из носового платка и губки, служащей для протирки приборов, он соорудил себе нечто вроде намордника и приспособился дышать не обжигая легкие. Воздуха все равно не хватало. Долго ли протянет человек в горах на высоте шести тысяч? Ответ на этот вопрос казался донельзя обидным. Хорошо экипированный альпинист, пожалуй, спокойно проживет и неделю, и две, но он-то, Леман, экипирован совсем не для этого! И если честно, то после истощения батарей капсулы ему останется жить совсем, совсем немного...

Он скоротал ночь, не выходя из капсулы и только временами впуская в нее воздух, охлажденный до совсем уже немыслимой температуры, то коченея, то задыхаясь. Сколько времени капсула сможет оберечь его от превращения в ломкую сосульку? Точного ответа Леман не знал. Вероятнее всего, суток двое-трое, не больше.

За это время должна прийти помощь. Должна!

То ли этот день выдался теплее вчерашнего, то ли тело начало привыкать к укусам холода, но ближе к полудню Леман рискнул совершить дальнюю прогулку. До края каньона он бежал трусцой, по пути отметил две неглубокие трещины в ледяном поле и в одной из них неожиданно нашел парашют. Вот ты куда заполз, ползун... Надо будет подобрать тебя на обратном пути и смастерить какую-никакую хламиду, все теплее будет...

До самого края он так и не добрался – поле пошло под уклон, как бы не заскользить... Усвистишь вниз по льду – пока долетишь до дна каньона, о многом успеешь подумашь. Может, даже сумеешь написать завещание, которое все равно никто не прочтет. Да и какое завещание у пилота? Личные вещи разыграют между собой товарищи по штаффелю, а в крошечную каюту на Базе волею квартирмейстера вселится другой пилот, вот и все, что касается подвижности и неподвижности.

Зато он увидел противоположный край каньона, и не только лед, но и камень. Сверкающий ледяной панцирь оказался вовсе не чудовищем километровой толщины – скорее уж обычным горным ледником. Бывают льды и потолще. То ли в самом деле ледник подтаивает с краю, то ли, что вероятнее, не успевший слежаться снег сметается в пропасть ветрами...

Минутой спустя, когда на стоящее в зените солнце набежала хищная стремительная мгла, а в лицо с размаху швырнуло первый заряд крупы, Леман понял, что был прав в последнем предположении. Но похвалить себя за догадливость не сумел за недосугом.

Добежать до капсулы он не успел и даже не пытался – главное укрыться, все равно где, пока буря не разыгралась по-настоящему, иначе сдует в пропасть! Скользя, кренясь, изворачиваясь, бодая лбом ринувшееся на него ревущее чудовище, он бежал к трещине, к тому месту, где видел парашют – его надо примять собой, не то выдует... А еще лучше попытаться плотно завернуться в него, тогда, может быть, удастся не замерзнуть, переждать буран...

Он втиснулся в трещину вовремя и сразу нашел парашют. И сейчас же над головой разверзся ад, разом взревели разбуженные демоны, загрохотали копыта всадников Апокалипсиса, и уже не разум, а животный ужас подсказал спасение: зарыться в невесомую, рвущуюся из-под тела ткань, заклинить в трещине и ждать...

Стихло на удивление быстро – уже через несколько минут. Снова засияло солнце, разбрызгалось о ледяной рафинад, ударило в глаза слепящими бликами. Отчаянно колотя зубами, Леман выбрался из трещины со второй попытки, а выбравшись и поверив в то, что увидел, со спокойной обреченностью подумал, что и первая попытка была совершенно излишней.

Капсулы не стало.

Ему не пришлось в голову закрепить ее на льду, да, по правде сказать, закрепить было и нечем. Ветер оказался слишком силен. Леман предельно ясно представил себе, как ревущий вихрь играючи сдвинул с места легкосплавный шар, и тот заскользил по чисто выметенному льду все быстрее, быстрее, разгоняясь до скорости хорошего буера, перепрыгивая через малые трещины, потом пошел под уклон к краю пропасти...

Тогда он осознал, что все кончено.

* * *

Два выхода. Первый – сделать себе инъекцию «блаженной смерти». Второй – замерзнуть, до конца заставляя себя надеяться на появление спасательной команды, как на бога из машины. Если как следует закутаться в парашют, можно, пожалуй, продержаться до ночи, но ночь – убьет наверняка. Леман принял этот вывод почти спокойно. Без тепла, без пищи, без помощи ему не дожить и до полуночи.

Он ухитрился поспать несколько минут и проснулся, вконец продрогнув. Ему приснился горячий чай. Наверное, перед самым концом приснится горячая ванна...

Ухнув в каньон, капсула несомненно разбилась и передатчик замолк. А если нет? Если произошло чудо и она зацепилась за какой-нибудь уступ, застряла в трещине? Мысль не давала покоя, здравый смысл восставал против нее, но терпел поражение. Если сигнал бедствия уже принят и спасательное судно вылетело (что вряд ли, но допустим...), кого найдут (если найдут) спасатели? Промороженный насквозь труп?

А в глубине каньона, наверно, тепло... Ну правильно, каньон идет почти точно с запада на восток, его дно освещено и, вероятно, прогрето. И воздух, недвижно-прозрачный над ледяной бесконечностью, дрожит над каньоном, как над чайником... Если бы можно было спуститься!

Он принял решение со спокойным отчаянием самоубийцы. Выпутался из парашюта. Приплясывая, чтобы хоть как-то разогнать кровь по жилам, часто и подолгу отогревая ладони под мышками, расстелил парашют на ледяном поле. Сложил, как умел. Едва не зачоченел окончательно, в мучительных потугах пытаюсь соорудить некое подобие обвязки, и в конце концов нашел приемлемое решение. Затем прижал к груди невесомый, но объемистый сверток и сомнамбулически побрел к краю каньона.

Внезапно заскользив вниз по ледяному языку, он не испугался и не удивился. На эмоции просто не осталось сил. Он перестал чувствовать холод и боялся заснуть прямо сейчас, не доскользив до конца этой ледяной горки. Самое главное было не выпустить сверток из рук, не выпустить раньше времени, пока не начнется свободное падение, и это последняя необходимая работа была чудовищно тяжела; он терпел ее, как преодолимую преграду перед блаженством отдыха... все равно какого. Пусть смерти. Мертвый счастлив: ему не приходится ничего делать.

В какой-то момент он почувствовал, что под ним больше нет льда. Полет? Да. Или падение – но какая разница?

Купол оглушительно хлопнул, расправляясь. Рывок был такой, что все предыдущие мучения показались досадными мелочами, но самодельная пародия на обвязку выдержала и кости остались целы. Леман даже не потерял сознание. Наоборот, грубый рывок неприятнейшим образом пнул уплывающее сознание назад в явь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.